

Научная статья

УДК 1:316.485.26(47)

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-211-222

МЕЖДУ ПАЦИФИЗМОМ И МИЛИТАРИЗМОМ: РУССКИЕ ФИЛОСОФЫ О НРАВСТВЕННОМ ТРАГИЗМЕ ВОЙНЫ

Евгений Олегович Малахаткин

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

malahatkin.zhenya@yandex.ru, ORCID: 0009-0009-1579-8055

Аннотация. *Цель исследования.* В центре внимания — нравственно противоречивый характер войны, который раскрывается совокупным опытом русской философии, начиная от В. С. Соловьева.

Методология исследования базируется на традициях русской философской мысли.

Результаты исследования. Трагизм является наиболее адекватным понятием для выражения этой противоречивости войны, характерной для русской философии, поскольку он позволяет избежать крайностей пацифизма и милитаризма. Уточняются различные смыслы трагического, принятые в русской философии. Трагизм войны свидетельствует о ее неизбежности при неустранимости нравственных мук совести. Показано, что отношение к войне в русской философии определится не политическими, экономическими, а нравственно-онтологическими аргументами. Нравственный трагизм войны обусловлен онтологической ситуацией «болезни бытия», и поэтому трагическая суть войны — это трагическая суть больного бытия. Делается вывод о том, что данное воззрение делает пацифистскую идеологию не только нежелательной, но более того — вредной и опасной, так приводит не к прекращению войны, но к «худшему греху самоубийства».

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем осмыслении феномена войны в русской философии.

Ключевые слова: война, русская философия, пацифизм, милитаризм, нравственность, трагизм, трагедия совести, греховная необходимость, «болезнь бытия»

Для цитирования: Малахаткин Е. О. Между пацифизмом и милитаризмом: русские философы о нравственном трагизме войны // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 211–222. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-211-222>.

Original article

BETWEEN PACIFISM AND MILITARISM: RUSSIAN PHILOSOPHERS ABOUT THE MORAL TRAGEDY OF WAR

Evgeny O. Malakharkin

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
malaharkin.zhenya@yandex.ru, ORCID: 0009-0009-1579-8055*

Abstract. *The purpose of the study.* The focus is on the morally contradictory nature of war, which is revealed by the cumulative experience of Russian philosophy, starting from V. S. Solovyov. *The research methodology* is based on the traditions of Russian philosophical thought.

Research result. Tragicism is the most adequate concept to express this inconsistency of war, characteristic of Russian philosophy, since it allows us to avoid the extremes of pacifism and militarism. The various meanings of the tragic, accepted in Russian philosophy, are clarified. The tragedy of war testifies to its inevitability given the inevitability of moral pangs of conscience. It is shown that the attitude to war in Russian philosophy will be determined not by political, economic, but by moral and ontological arguments. The moral tragedy of war is determined by the ontological situation of the «sickness of existence», and therefore the tragic essence of war is the tragic essence of sick existence. It is concluded that this view makes pacifist ideology not only undesirable, but moreover harmful and dangerous, leading not to the end of the war, but to the «worst sin of suicide».

The prospects for the study lie in further understanding the phenomenon of war in Russian philosophy.

Keywords: war, Russian philosophy, pacifism, militarism, morality, tragedy, tragedy of conscience, sinful necessity, «disease of existence»

For citation: Malakharkin E. O. Between pacifism and militarism: Russian philosophers about the moral tragedy of war // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 211–222. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-211-222>.

Введение. Интерес к осмыслению феномена войны в традициях русской философии неуклонно возрастает. Однако, необходимо отметить, что в общем контексте исследований русской философии ситуация в этой области выглядит неравномерно. После символического возвращения известного «философского парохода» на родину в начале 90-х гг. наследие русской философской мысли предстало в полном объеме и богатстве. Среди приоритетных философских тем выступили философия всеединства, софиология, имяславие, философия хозяйства, философия любви, русский космизм, иными словами, тот пласт русской религиозной мысли, который был практически неизвестен отечественному читателю советского периода.

Конечно, специалисты по русской философии были хорошо знакомы и с воззрениями русских философов на войну, однако в контексте общей либеральной направленности гуманитарных наук этого периода этот пласт практически оставался в тени. Следует назвать исследования А. А. Скворцова, Л. Э. Сулягиной, С. В. Корнилова, В. П. Римского, С. Н. Борисова, И. А. Бобровой, Е. В. Громова, Е. А. Громовой, С. Н. Климова, Е. К. Маминой, В. В. Сидорина, А. В. Соловьева, Н. В. Чекера, А. М. Ипатова и др., посвященные этическим, антропологическим, религиозным, историософским аспектам осмысления войны в русской философии [2; 4; 5; 11; 12; 15; 17; 18; 24]. В центре внимания этих и других исследователей были класси-

ки русской философии Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Н. Булгаков, В.В. Розанов, Е.Н. Трубецкой, В.Ф. Эрн, а также отечественные теоретики войны А.А. Керсновский и А.Е. Снесарев.

В связи с резким обострением геополитического противостояния России и Запада в последнее время, особенно с началом СВО, закономерным образом значительно усилился интерес к тому, что русские философы думали о войне, как ее объясняли, какие предлагали меры для умиротворения [3; 8; 13; 19; 29]. Для многих оказалось неожиданным, что русские философы не были пацифистами в том привычном смысле, сформированным западной парадигмой, и что, например, идеи Л.Н. Толстого о ненасилии были в общем-то маргинальными и подверглись серьезной и практически единодушной критике со стороны главных представителей русского религиозно-философского ренессанса. В современных условиях это следует осмыслить заново, поскольку пацифистская аргументация, в том числе и со ссылкой на Л.Н. Толстого, звучит сегодня довольно часто.

Если русские философы не были пацифистами, то они не были и милитаристами тоже в привычном смысле как сторонники и проповедники войны. Е.А. Громова, проанализировав миротворческие идеи в русской философии начала XX века, заключает: «Русская философская мысль дала эвристически ценное толкование многих противоречий в миротворчестве, не переходя из крайности классического непротивленческого пацифизма в крайность воинственного милитаризма» [5, с. 149]. Данная точка зрения представляется нам вполне взвешенной и объективной, раскрывающей реальное отношение русских философов к войне.

К сожалению, сегодня часто можно услышать обвинения в милитаризме, в апологии и оправдании войны в случае, если имеет место философская рефлексия над ней. В этом сложном и довольно болезненном вопросе следует избегать крайностей. Для этого необходима максимально достоверная и объективная реконструкция воззрений русских философов относительно тех или иных аспектов, связанных с осмыслением феномена войны.

Трагизм в русской философии. Программным тезисом русской философии войны можно считать слова Н.А. Бердяева: «Войну можно принять лишь трагически-страдальчески. Отношение к войне может быть лишь антиномическое. Это — изживание внутренней тьмы мировой жизни, внутреннего зла, принятие вины и искупления. Благодушное, оптимистическое, исключительно радостное отношение к войне не допустимо и безнравственно. Мы войну и принимаем, и отвергаем. Мы принимаем войну во имя ее отвержения. Милитаризм и пацифизм — одинаковая ложь. И там, и здесь — внешнее отношение к жизни. Принятие войны есть принятие трагического ужаса жизни. И если в войне есть озверение и потеря человеческого облика, то есть в ней и великая любовь, преломленная во тьме» [16, с. 294].

В этом высказывании, проникнутом духом Ф.М. Достоевского, выделяются два ключевых понятия: *трагическое* и *антиномическое*. Вместе они образуют не просто философский контекст осмысления войны, но нравственно-философский, поскольку именно нравственное измерение, сконцентрированное в понятие трагического, представляет собой своеобразие русского отношения к жизни вообще, частным случаем которого является и отношение к войне. Чтобы удержать это противоречие в единстве, не скатившись ни в чистый трагизм, ведущий к уныло-пессимистическому мироотвержению, ни в чистый антиномизм, ведущий к скептицизму и агностицизму (в кантовском смысле), нужна большая нравственная сила мысли. Именно этим русские философы обладали более всего. В целом это соответствует этикоцентричной установке русской философии как ее типологической характеристике.

Н.А. Бердяев был философом, которому с исключительной силой было присуще чувство трагического. Он делает его основой своей философской оптики, сквозь которую смотрит на жизнь и войну. В своем исследовании Л.Э. Сулягина отмечает: «Важный аспект, который затронул Бердяев, — трагедия человеческой жизни в столкновении ценностей разного порядка. Эта трагедия коренится в свободном выборе между Отечеством и любовью к ближнему, человечеству, культуре и просто к самому себе. Для христианина —

это трагедия вдвойне. Бердяев беспристрастно вскрыл трагическую суть войны» [24, с. 162–163].

Здесь необходимо уточнить *понятие трагического* как нравственной, а не только эстетической категории, маркирующей определенные жанры искусства. Для русской философской культуры в целом характерен трагический антиномизм жизни и смерти, восприятие самой жизни в целом как *трагического события*, а не только как различных отдельных трагических событий в жизни, среди которых война — самое ужасное. Именно такая оптика восприятия трагического позволит более адекватно понять и нравственный смысл войны, и ее возможное *нравственное оправдание*, характерное для русской философской традиции. Речь идет именно о нравственном оправдании, поскольку само оправдание чего-то часто считается безнравственным, так как оправдываются вещи недостойные, неблагоприятные, пустые, легкомысленные. Нравственное же оправдание трагично по своей сути, поскольку оно касается предельно тяжелых или, как говорится в русской философской традиции, «проклятых вопросов», к числу которых, несомненно, относится и война.

Восприятие нравственного трагизма жизни можно обнаружить во многих работах русских философов, в том числе в статье С. Л. Франка «Светлая печаль», посвященной А. С. Пушкину. В ней философ говорит, что «отсутствие восприимчивости к трагизму человеческой жизни есть бесспорный признак духовной поверхностности» [28, с. 466]. С этим критерием он анализирует поэзию Пушкина, находя в ней «нечто вроде философии трагизма человеческой жизни» [28, с. 469] и заключая, что «чувство трагизма жизни есть, по меньшей мере, один из главных, доминирующих мотивов его поэзии» [28, с. 467]. Чувство трагизма — это многомерное глубинное мировосприятие; оно вызвано не только острым переживанием смерти, но и чувствами горечи, разочарования, одиночества, пустоты, угрызений совести. И все это обнаруживается в поэзии Пушкина.

Безусловно, трагизм более всего связан со смертью, но смерть не является единственным и высшим трагическим событием. В русской философии разрывается этот су-

ществующий детерминизм причинно-следственной связи смерти и трагизма. Г. Флоровский хорошо это показывает в статье «Воскресение жизни»: «Физическая смерть человека — не отдельное “природное явление”, а, скорее, зловещее клеймо изначальной трагедии» [27, с. 255]. Иначе — трагедия изначальна; это очень важная констатация: смерть ее не создает, но, являясь «клеямом», она свидетельствует о трагедии. Это не умаление трагизма смерти, но восстановление ценностной иерархии бытия.

Другой крупный религиозный философ В. В. Зеньковский утверждает, что «христианство по существу есть восприятие *трагизма в мире*». Он раскрывает смысл трагизма, который оказывается весьма отдаленным от житейского его понимания. «О трагизме можно серьезно говорить, — пишет Зеньковский, — именно при одновременной наличности силы и увядания, красоты и уродливых извращений, взаимопомощи и жестокой борьбы за существование» [6, с. 205]. При этом он делает важное замечание о том, что трагизм не ведет ни к пессимизму, ни к оптимизму, поскольку первый опровергается тем, что мир жив и прекрасен, а второй тем, что в мире есть непреходящие болезни, смерть и страдания.

В духе В. В. Зеньковского говорит и Н. А. Бердяев о том, что «нравственная жизнь — трагична. Ибо само возникновение добра и зла было уже страшной трагедией» [1, с. 236]. Это глубинное понимание этики, в которой добро и зло — не просто моральные категории, а трагический выбор человека. «Жизнь есть трагедия, великая очистительная жертва — это религиозное сознание, которое пытался заглушить и притупить эволюционизм своими надеждами на будущий мир и всеобщее счастье», — утверждает и С. Н. Булгаков, сохраняя общую нравственную тональность русской философии [16, с. 353].

Важным также является тезис из приведенного выше программного высказывания Н. А. Бердяева «принятие войны есть принятие трагического ужаса жизни». Принято говорить об «ужасе смерти», здесь же речь идет о жизни, и причем не о различных «ужасах», которые сопровождают жизнь, но об ужасе самой жизни как таковой. Ужас также не связан непосредственно со смертью, как

и трагизм, он, скорее, свидетельствует об изначальном состоянии бытия. В определенном смысле аналитика ужаса, предпринятая Бердяевым, предваряет дальнейшую фундаментальную рефлексию над ним в экзистенциальной философии.

Об «ужасах жизни» много и глубоко размышлял Л. Шестов. В книге «Киргегард и экзистенциальная философия» он пишет: «Пред нами, людьми XX столетия, вопрос стоит так же, как он стоял пред древними: откуда грех, откуда связанные с грехом ужасы жизни?» [30, с. 10]. Согласно его логике не смерть есть причина ужаса, но грех, т.е. поврежденность жизни. Есть еще одна причина ужаса — то, что Достоевский называл «всемством»: «от всемства, к которому нас призывает наш разум, пришли на землю все ужасы бытия» [30, с. 21].

В этой логике война есть не первый и не последний ужас жизни, но тот ужас, который создается изначальной поврежденностью бытия. Причина пацифизма в том, что люди не принимают не только войну, они не могут принять ту глубинную причину, которая ее порождает. А поскольку, как говорит Шестов, «люди отворачиваются от ужасов жизни и довольствуются “утешениями”» [30, с. 18], то «отворачивание» от войны носит одну из наиболее сильных форм протеста против войны, то есть пацифизма.

Эти точки зрения русских философов достаточно ярко иллюстрируют мысль о том, что не только смерть создает трагизм жизни, что жизнь трагична и до, и вне смерти, она трагична по существу, поскольку человек — существо не только смертное, но нравственное, вынужденное делать мучительный выбор между добром и злом. Данный критерий представляется крайне важным при восприятии войны как трагического события, поскольку позволит увидеть саму войну как проявление изначального трагизма жизни. Это избавляет от пацифистской абсолютизации зла войны и дает возможность проанализировать это событие в его реальных истоках, сущности и нахождения действенных, а не утопических способов преодоления.

«Болезнь бытия» — исток нравственного трагизма войны. В.С. Соловьев в книге «Оправдание добра» посвящает войне

отдельную главу «Смысл войны», в которой называет международную вражду, выражающуюся в войнах, «хронической болезнью человечества» [22, с. 463]. Это масштабный взгляд на уровне всей истории человечества, от самых ее истоков, он позволяет увидеть, что «нравственное расстройство внутри человечества» делает войну и неизбежной, и необходимой, и даже полезной. Весьма емко и образно философ выражает эту мысль в таких словах: «И пока Каиновы чувства не исчезли в сердцах людей, солдат и городской будут не злом, а благом» [22, с. 482].

В этом смысле, признавая безусловное зло войны, необходимо также видеть и нечто в ней положительное. Данная противоречивость не позволит абсолютизировать только лишь один «темный» аспект войны, который может привести не к ее действительному преодолению, а лишь к отвлеченному отрицанию, не имеющему никакой пользы. Эта противоречивость безусловно трагического характера, поскольку свершается не только на теоретическом уровне, но на нравственном, имеющем практический выход в поступок. В.С. Соловьев следующим образом характеризует эту нравственную противоречивость войны: «Война была прямым средством для внешнего и косвенным средством для внутреннего объединения человечества. Разум запрещает бросать это орудие, пока оно нужно, но совесть обязывает стараться, чтобы оно перестало быть нужным и чтобы естественная организация разделенного на враждующие части человечества действительно переходила в его нравственную, или духовную, организацию» [22, с. 74–75].

В «Трех разговорах» эта нравственная противоречивость войны выражена В.С. Соловьевым с наибольшей полнотой: «Да в том, что война *не* есть безусловное зло и что мир не есть безусловное добро, или, говоря проще, что возможна и бывает *хорошая война*, возможен и бывает *дурной мир*» [23, с. 651]. Данная позиция выступает против односторонней абсолютизации пацифизма или милитаризма, но позволяет более гибко и тонко отнестись всегда к противоречивой, многомерной реальности.

Родоначалник русской философии всеединства оказал значительное влияние на все дальнейшее развитие религиозно-философс-

кой мысли в России. Это касается и его антонимичного отношения к войне, которое возможно лишь в нравственном контексте. И это особенность русской философии войны — рассматривать ее прежде всего как духовное, нравственное явление, а не геополитическое, геоэкономическое и т.д.

В целом отношение к войне, принятое в русской философии и жизни, нельзя отрывать от ценностного мировосприятия, характерного для фундаментальных духовных первооснов русской культуры. Хорошо их выразил Н. Ф. Федоров в своих детских воспоминаниях: «От детских лет сохранились у меня три воспоминания: видел я черный-пречерный хлеб, которым питались крестьяне в какой-то, вероятно, голодный год. Слышал я в детстве объяснение войны, которое привело меня в страшное недоумение: “на войне люди стреляют друг в друга!” Наконец, узнал я не о том, что есть и неродные, чужие, а о том, что сами родные — не родные, а чужие» [25, с. 161].

В этих словах глубоко выражено русское мировоззрение, которое воспринимает бытие как трудное, трудовое бытие, поскольку в нем всегда стоит важнейший и актуальный вопрос о хлебе насущном, вопрос о человеческой розни, вражде, небратстве. То, что поразило Федорова в детстве, обусловлено не только именно его личными тяжелыми условиями существования, это вообще исконная суть русской жизни, более того, не только русской, а вообще так таковой, и русские мыслители реагируют на это теми проектами, которые могут каким-то образом преодолеть эти изначальные «онтологические дефекты» существования, или в терминологии русских философов «болезнь бытия». Собственно «философия общего дела» Федорова и «философия всеединства» и были теми проектами русской философии, которые произошли из глубин самой жизни, ее первоочередных духовных запросов, а не были рождены лишь в тиши кабинетной-теоретической философии.

Именно здесь и формируется отношение к войне в русской философии, которое также исходит не из политических, а нравственно-онтологических аргументов. Нравственный трагизм войны обусловлен нравственным трагизмом «болезни бытия». Трагическая суть войны — это трагическая суть больно-

го бытия. Понимание этого положения вещей делает пацифистскую идеологию не только нежелательной, но более того вредной и опасной, о чем, например, пишет Н. О. Лосский: «Война есть великое зло. Но проповедь безоглядного пацифизма, призывающего к отказу от воинской повинности, могла бы в случае успеха ее в какой-либо стране привести к разрушению государства и хаотической анархии, которая страшнее всякой войны. Таким образом, отвлеченный пацифизм, не считающийся с конкретными условиями сложной исторической обстановки, есть зло еще большее, чем война» [14, с. 368].

Здесь очень важно словоупотребление «отвлеченный пацифизм», который, по сути, есть разновидность «отвлеченных начал», фундаментальную критику которых осуществил В. С. Соловьев. «Под отвлеченными началами, — пишет он, — я разумею те частные идеи (особые стороны и элементы всеединой идеи), которые, будучи отвлекаемы от целого и утверждаемы в своей исключительности, теряют свой истинный характер и, вступая в противоречие и борьбу друг с другом, подвергают мир человеческий в то состояние умственного разлада, в котором он доселе находится» [1, с. 586]. Именно этим принципом пользуется Н. О. Лосский, когда говорит о «частичном добре», нарушающем гармоническое соотношение с другими видами добра и поэтому преувеличенным, ведущим не к торжеству добра в конечном счете, а к еще большим бедствиям. Таков именно отвлеченный пацифизм. Но возникает вопрос: может ли пацифизм в принципе быть другим?

Как глубоко парадоксальное и противоречивое в нравственном отношении явление воспринимает войну Л. П. Карсавин, называя ее «греховой необходимостью» или «злой необходимостью грешного бытия». Он задается вопросом: неизбежны ли в государстве насилие, кары, войны, и отвечает на него положительно. Но это не оправдывает войну нравственно и религиозно, и убийство человека все равно остается грехом, будь это смертная казнь или поле боя. В то же время если государство отказывается от военных действий в случае их необходимости, если бездействует, то впадает в «худший грех самоубийства».

Более того, нравственно положительное значение войны, согласно Карсавину, заключается в том, что, «В войне... совершается и такое великое добро, как жертва своею жизнью за других. Поэтому, если государство отказывается от войны во имя правды так, что оно отказывается от защиты и осуществления своей правды, оно лжет и отказывается во имя бездействия, т.е. совершает грех не меньший, чем война» [9, с. 427]. Жертва как «великое добро» есть нравственное оправдание войны, но не в плане ее фактического бытия как такового, предполагающим греховное деяние убийства другого, но в плане совершаемого высшего нравственного поступка, созданного условиями войны.

Как мощный факт духовного возрождения России воспринимает войну еще один крупный русский философ С.Н. Булгаков. Он пишет: «Совершился великий и в своем значении потрясающий факт: *мы опять поверили в Россию!* И этому духовному возрождению обязаны мы священной войне и смиренной жертвенности великого русского воинства. Мы снова осязательно увидели духовную красоту русской души; на фоне цивилизованного варварства, доселе гипнотизировавшего нас, мы познали ее высшую духовную культурность» [16, с. 324–325]. Парадоксальным образом «духовная красота русской души» раскрывается через ужасы войны. Саму войну Булгаков воспринимает как великий этап в истории русского самосознания, который приводит к освобождению русского духа от западного идолопоклонства. В этом безусловно положительный смысл войны, которая, неся бремя трагизма, выполняет то, что не может выполнить мирное время.

С особым тщанием и глубиной раскрывает С.Н. Булгаков духовное оскудение мещанского образа жизни, которое принесла с собой европеизация. Прежде всего это связано с тем, что забыли о смерти, попытались вычеркнуть ее из горизонта повседневного существования. Философ, раскрывая современное ему отношение к смерти как к «неприятному биологическому эпизоду», пишет как будто про наше время: «Смерть старательно изгонялась из мещанского обихода. Мещанство не любит картины похорон, и покойников из первоклассных отелей на разных курор-

тах обыкновенно уносят ночью и незаметно. У смерти стараются отнять ее торжественно-мистический характер, не услышать ее откровения, заглушая его тихий шепот светскими церемониями, напыщенными речами. <...> было стремление духовно отгородиться от смерти, по крайней мере, возможным устранением ее мистики и самой мысли о ней» [16, с. 351–352].

Булгаков одним из первых всерьез заговорил о табуировании смерти в обществе, намного опередив свое время. Именно в этом контексте философ и рассматривает войну, которая вопреки бездуховным устремлениям гедонистически настроенных людей приблизила смерть, сделав ее реально ощутимой. «А это означает не что иное, — говорит Булгаков, — как то, что мирочувствие эволюционно-мещанское должно уступить место религиозно-трагическому» [16, с. 351–352]. Нехватка трагического мирочувствия является признаком духовного ослабления и понижения жизни. Именно в этом трагический парадокс войны, которая самым фактом своего бытия возвращает это утраченное, трагическое измерение жизни.

Особого трагического реализма в вопросах войны достигает мысль видного русского философа И.А. Ильина. Он прямо ставит вопрос об убийстве по совести другого человека. Это развитие вопроса Достоевского о том, разрешена ли кровь по совести, который промышляется в совершенно других условиях, в условиях войны. И если в случае Раскольникова дается однозначно-отрицательный ответ: нет никакого морального оправдания тому, чтобы во имя каких-то «благих» целей было возможно убить человека, даже самого «ненужного» в глазах «благотетеля», то в ситуации войны картина выглядит по-другому. Само убийство, не переставая быть изначально греховным деянием в христианском смысле, меняет свой аксиологический знак.

Вся работа И.А. Ильина «Основное нравственное противоречие войны» посвящена разрешению этого тягостно-мучительного вопроса, который философ называет *нравственной трагедией*. Он пишет: «Участие в войне заставляет душу принять и пережить высшую нравственную *трагедию: осуществить свой, может быть, единственный и лучший, духовный взлет*

в форме участия в организованном убийстве людей» [7, с. 29]. Ильин называет осознанное учение в войне очень глубоким понятием «виновный подвиг», мужественное принятие которого и составляет истинную суть воина. В духе Л.П. Карсавина, утверждавшего, что необходимость участия в войне не снимает грех убийства, И.А. Ильин говорит, что вина не исчезает из-за необходимости воевать. Но принятие на себя последствий этого виновного деяния он оценивает как истинный героизм. И, наоборот, уклонение от этого, попытка найти «нравственно-безукоризненный исход», когда нависла угроза духовным основам существования его народа, есть «картина величайшего лицемерия». Он непосредственно в этом тексте не употребляет понятие пацифизм, но очевидно, что речь идет именно о нем.

В духе трагического антиномизма, присущего русской философии, рассуждают и русские теоретики войны А.А. Керсновский и А.Е. Снесарев. В следующих положениях выражено в концентрированном виде понимание войны А.А. Керновским: «И решаться на это зло — на эту болезнь — следует лишь в положениях безвыходных — когда “клин клином” остается единственным средством за истощением всех остальных аргументов. Худой мир, в общем, лучше доброй ссоры. Это — правило, от которого возможно делать исключения разве лишь в случае очень худого мира, грозящего в конце концов пагубно отразиться на морали и благополучии страны» [10, с. 39]; «Будучи народом православным, мы смотрим на войну как на зло — как на моральную болезнь человечества — моральное наследие греха прародителей, подобно тому как болезнь тела является физическим его наследием. Никакими напыщенными словесами, никакими бумажными договорами, никаким прятаньем головы в песок мы зла предотвратить не можем. Пергамент Парижского договора 1928 г. — «пакт Бриана-Келлога» не избавил человечество от войны, как намалеванный на дверях дракон не избавил китайца от чумы» [10, с. 136].

В одной тональности с В.С. Соловьевым говорит А.А. Керсновский о войне как о «моральной болезни всего человечества», очень хорошо понимая бесплодность отвлеченных, т.е. паллиативных, пацифистских

мер. И действительно, человечество от войны не избавили ни «пакт Бриана-Келлога», ни моральные увещания не начинать или прекратить войну. Значимость размышлений русских мыслителей о войне в том, что они раскрывают ее фундаментный духовный характер, не сводимый ни к геополитическим, ни к геоэкономическим факторам, как сегодня склонны часто трактовать природу войны.

В подобном русле размышляет о нравственной противоречивости войны и другой крупный военный теоретик А.Е. Снесарев. Ссылаясь на В.С. Соловьева в своем труде «Философия войны», он пишет: «Война, врываясь всеми корнями в нашу грешную планету как ее естественное ответвление, много содеяв в прошлом и доброго, и злого, нависая над человечеством, как тяжкая неизбежная ноша, она — это широкое и сложное явление — и нравственную свою характеристику расширяет и углубляет далеко за пределы огульного риторического осуждения» [20, с. 182].

Снова мы встречаем критику легковесной и отвлеченной пацифистской риторики, исходящей из неких «благих» побуждений, абсолютизирующих лишь одну мрачную сторону войны и игнорирующих реальное положение дел. Отмечая все темные стороны войны, ее преступный характер, Снесарев раскрывает иную ее сторону. «Самое худшее, злое и жестокое, — пишет он, — становится чем-то обычным, само собою понятным. Но ведь, с другой стороны, нигде, как на войне, мы не встретим таких картин самопожертвования, благородного дерзновения, вдохновенной находчивости для исполнения долга и бесконечного претерпевания до конца» [20, с. 191].

И это, разумеется, не романтизация войны, не ее оправдание, но раскрытие глубоко противоречивой сущности, без которой суждения будут одномерны и попросту ошибочны.

Заключение. Подводя итог, хотелось бы привести слова известного специалиста по философии войне в русской мысли А.А. Скворцова: «Для русской философии война — это не часть науки о политике, как для немецкой философии, не экзистенциальное приключение, как для французов, не защита своих интересов, как для англичан и американцев. Это именно трагедия совести, когда мы понимаем, что и воевать по совести

нельзя, и не воевать нельзя. Для нас война — это защита и себя, и тех, кто нуждается в этой защите» [19, с. 143–144].

«Трагедия совести» раскрывает истинный смысл нравственного трагизма войны, который находится весьма отдаленно как от пацифизма, так и от милитаризма. Ни тот, ни другой не знают подлинного нравственного трагизма войны. Пацифизм редуцирует его до страха, возмущения, негодования, протеста, «миролюбивой» риторики; милитаризм редуцирует до неоправданной жестокости и кровожадности, преследования своих эгоистических интересов. Обе эти идеологии проходят мимо того, что раскрывается в русской философии как «болезнь бытия» — фундаментальной онтологической категории, объясняющей проявления различных форм зла не внешними социально-политическими условиями, а глубинной поврежденностью сущего как такового. Такое видение специфично для отечественной духовной культуры.

Русская философия, далекая от декларативности и риторики, направляет человека к ответственному поступку, к его личностному участию и вовлеченности в том или ином событии, к такому участию, которое предполагает нравственное переживание. Событие войны, пережитое нравственно, не может не открыться как нравственная трагедия бытия, требующая неизбежных страданий совести, что ведет к нравственному очищению и просветлению. Таков нравственный урок русской философии войны.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Опыт парадоксальной этики. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. 701 с.
2. Боброва И. А. Война как социальный феномен в русской религиозной философии начала XX века: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Чита, 2007. 24 с.
3. Гефнер О. В. Война как социальный феномен: взгляд русского философа С. Н. Булгакова [Электронный ресурс] // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2022. №2(29) апрель-июнь. URL <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2022/2/01006> (дата обращения: 10.11.2023).
4. Громов Е. В. Осмысление войны в православном религиозном сознании на материале русской религиозной философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №6(68): в 2-х ч. Ч. 1. Тамбов: Грамота, 2016. С. 68–70.
5. Громова Е. А. Миротворческий дискурс в отечественной социально-философской мысли начала XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. 2013. №2(20). С. 143–150.
6. Зеньковский В. В. Основы христианской философии. М.: Канон, 1997. 560 с.
7. Ильин И. А. Основное нравственное противоречие войны // Собрание сочинений в 10 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1999. С. 5–31.
8. Ипатов А. М. События второй мировой войны в публицистике И. А. Ильина 1939–1945 гг. // Культурный код. 2022. №2. С. 97–110.
9. Карсавин Л. П. Церковь, личность, государство // Малые сочинения. СПб.: Алетейя, 1994. С. 414–446.
10. Керсновский А. А. Философия войны. М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. 208 с.
11. Климов С. Н. Вопросы философии войны в творчестве русских философов // Вестник ТвГУ. Серия: Философия. 2015. №2. С. 171–178.
12. Корнилов С. В. Обоснование патриотизма в русской философии: уроки Первой мировой войны и эмиграции [Электронный ресурс] // Альманах «Пространство и Время». Электронное научное издание. 2016. Т. 12. Вып. 2. URL: 2227-9490e-aprov-east12-2.2016.61 (дата обращения: 15.11.2023).
13. Коробов-Латынцев А. Ю. Философ и война. О русской военной философии. М.: Русская философия, 2022. 250 с.
14. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
15. Мамина Е. К. Проблема смысла войны в философии Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева: дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. 150 с.
16. Русские философы о войне: Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн. М.: Жуковский: Кучково поле, 2005. 496 с.
17. Сидорин В. В. Русские философы о смысле войны: PERSONA IN BELLO // Со-

ловьевские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 114–122.

18. Скворцов А.А. Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX в. // Этическая мысль. 2001. №2. С. 216–230.

19. Скворцов А.А. Война как обыденность и выход из небытия // Великое русское исправление имен: сборник / Под ред. А.Ю. Коробова-Латынцева, Н.В. Арутюнова. СПб.: Солнце Севера, 2023. С. 134–151.

20. Снесарев А.Е. Философия войны. М.: Ломоносовъ, 2013. 288 с.

21. Соловьев А.В. А.Е. Снесарев — представитель русской философии войны // Философия и общество. 2018. №3. С. 100–115.

22. Соловьев В.С. Оправдание добра // Сочинения в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47–581.

23. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 635–763.

24. Сутягина Л.Э. Антропология войны и мира по взглядам русских религиозных философов рубежа XIX и XX столетий. СПб.: МАЭ, 2013. 188 с.

25. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений в 4-х т. Т. IV. М.: Прогресс, 2004. 687 с.

26. Философия войны и мира, насилия и ненасилия: коллективная монография / Под ред. В.П. Римского. М.: Академический проект, 2019. 462 с.

27. Флоровский Г.В. Догмат и история. М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1998. 488 с.

28. Франк С.Л. Светлая печаль // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. М.: Книга. 1990. С. 465–482.

29. Чекер Н.В. И.А. Ильин: смысл войны // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 105–114.

30. Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М.: Прогресс-Гнозис, 1992. 304 с.

References

1. Berdjaev N.A. Opyt paradoksal'noj jetiki [The experience of paradoxical ethics]. Moscow: AST; Har'kov: Folio, 2003. 701 p. (In Russ.).

2. Bobrova I.A. Vojna kak social'nyj fenomen v russkoj religioznoj filosofii nachala XX veka: avtoref. diss. ... kand. filos. Nauk [War as a social phenomenon in Russian religious philosophy at the beginning of the XX century. Ph. D. (Philosophy) Thesis]. Chita, 2007. 24 p. (In Russ.).

3. Gefner O.V. Vojna kak social'nyj fenomen: vzgljad russkogo filosofa S.N. Bulgakova [War as a social phenomenon: the view of the Russian philosopher S.N. Bulgakov] [Elektronnyj resurs]. *Jelektronnyj nauchno-metodicheskij zhurnal Omskogo GAU* [Electronic scientific and methodological journal of Omsk State University]. 2022; 2(29) aprel'-ijun'. URL <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2022/2/01006> (data obrashhenija: 10.11.2023). (In Russ.).

4. Gromov E.V. Osmyslenie vojny v pravoslavnom religioznom soznanii na materiale russkoj religioznoj filosofii [Understanding the war in the Orthodox religious consciousness based on the material of Russian religious philosophy]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. №6(68): v 2-h ch. Part 1. Tambov: Gramota, 2016. Pp. 68–70. (In Russ.).

5. Gromova E.A. Mirotvorcheskij diskurs v otechestvennoj social'no-filosofskoj mysli nachala XX veka [Peacemaking discourse in Russian socio-philosophical thought of the beginning of the XX century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 7: Filosofija* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 7: Philosophy]. 2013; 2(20): 143–150. (In Russ.).

6. Zen'kovskij V.V. Osnovy hristianskoj filosofii [Fundamentals of Christian philosophy]. Moscow: Kanon, 1997. 560 p. (In Russ.).

7. Il'in I.A. Osnovnoe npravstvennoe protivorechie vojny [The main moral contradiction of war]. *Sobranie sochinenij v 10 t.* [Collected works in 10 vols.]. Vol. 5. Moscow: Russkaja kniga, 1999. Pp. 5–31. (In Russ.).

8. Ipatov A.M. Sobytiya vtoroj mirovoj vojny v publicistike I.A. Il'ina 1939–1945 gg. [Events of the Second World War in the journalism of I.A. Ilyin 1939–1945]. *Kul'turnyj kod* [Cultural code]. 2022; (2): 97–110. (In Russ.).

9. Karsavin L.P. Cerkov', lichnost', gosudarstvo [Church, personality, state]. Malye sochinenija [Small works]. Saint Peresburg: Aleteĭja, 1994. Pp. 414–446. (In Russ.).
10. Kersnovskij A.A. Filosofija vojny [Philosophy of war]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarii, 2010. 208 p. (In Russ.).
11. Klimov S.N. Voprosy filosofii vojny v tvorchestve russkikh filosofov [Questions of philosophy of war in the works of Russian philosophers]. *Vestnik TvGU. Serija: Filosofija [Bulletin of TvSU. Series: Philosophy]*. 2015; (2): 171–178. (In Russ.).
12. Kornilov S.V. Obosnovanie patriotizma v russkoj filosofii: uroki Pervoj mirovoj vojny i jemigracii [The justification of patriotism in Russian philosophy: lessons of the First World War and emigration] [Elektronnyj resurs]. *Al'manah «Prostranstvo i Vremja». Jelektronnoe nauchnoe izdanie [Almanac «Space and Time». Electronic scientific publication]*. 2016; 12(2). URL: 2227–9490e-aprov_r_e-ast12-2.2016.61 (data obrashhenija: 15.11.2023). (In Russ.).
13. Korobov-Latyncev A. Ju. Filosof i vojna. O russkoj voennoj filosofii [The Philosopher and the war. Russian Russian military philosophy]. Moscow: Russkaja filosofija, 2022. 250 p. (In Russ.).
14. Losskij N.O. Uslovija absoljutnogo dobra [Conditions of absolute goodness]. Moscow: Politizdat, 1991. 368 p. (In Russ.).
15. Mamina E.K. Problema smysla vojny v filosofii F.M. Dostoevskogo i V.S. Solov'eva: dis. ... kand. filos. Nauk [The problem of the meaning of war in the philosophy of F.M. Dostoevsky and V.S. Solovyov. Ph. D. (philosophy) diss.]. Moscow, 2006. 150 p. (In Russ.).
16. Russkie filosofy o vojne: F.M. Dostoevskij, Vl. Solov'ev, N.A. Berdjaev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubeckoj, S.L. Frank, V.F. Jern [Russian philosophers about the war: F.M. Dostoevsky, V. Solovyov, N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubetskoy, S.L. Frank, V.F. Ern]. Moscow: Zhukovskij: Kuchkovo pole, 2005. 496 p. (In Russ.).
17. Sidorin V.V. Russkie filosofy o smysle vojny: PERSONA IN BELLO [Russian philosophers on the meaning of war: PERSONA IN BELLO]. *Solov'evskie issledovanija [Solovyov studies]*. 2016; 1(49): 114–122. (In Russ.).
18. Skvorcov A.A. Jeticheskie problemy vojny v russkoj religioznoj filosofii XX v. [Ethical problems of war in Russian religious philosophy of the twentieth century]. *Jeticheskaja mysl' [Ethical thought]*. 2001; (2): 216–230. (In Russ.).
19. Skvorcov A.A. Vojna kak obydennost' i vyhod iz nebytija [War as a routine and a way out of oblivion]. *Velikoe russkoe ispravlenie imen: sbornik [The Great Russian correction of names: a collection]*. Pod red. A. Ju. Korobova-Latynceva, N.V. Arutjunova [In A. Y. Korobov-Latyntsev, N.V. Arutyunova (eds.)]. Saint Peresburg: Solnce Severa, 2023. Pp. 134–151. (In Russ.).
20. Snesev A. E. Filosofija vojny [Philosophy of war]. Moscow: Lomonosov, 2013. 288 p. (In Russ.).
21. Solov'ev A. V. A. E. Snesev — predstavitel' russkoj filosofii vojny [A. E. Snesev — representative of the Russian philosophy of war]. *Filosofija i obshhestvo [Philosophy and Society]*. 2018; (3): 100–115. (In Russ.).
22. Solov'ev V.S. Opravdanie dobra [Justification of good]. *Sochinenija v 2-h t. [Essays in 2 vols.]*. Vol. 1. Moscow: Mysl', 1988. Pp. 47–581. (In Russ.).
23. Solov'ev V.S. Tri razgovora o vojne, progresse i konce vseмирnoj istorii [Three conversations about war, progress and the end of world history]. *Sochinenija v 2-h t. [Essays in 2 vols.]*. Vol. 2. Moscow: Mysl', 1988. Pp. 635–763. (In Russ.).
24. Sutjagina L. Je. Antropologija vojny i mira po vzgljadam russkikh religioznykh filosofov rubezha XIX i XX stoletij [Anthropology of war and peace according to the views of Russian religious philosophers of the turn of the XIX and XX centuries]. Saint Peresburg: MAJe, 2013. 188 p. (In Russ.).
25. Fedorov N.F. Sobranie sochinenij v 4-h t. [Collected works in 4 vols.]. Vol. IV. Moscow: Progress, 2004. 687 p. (In Russ.).
26. Filosofija vojny i mira, nasilija i nenasilija: kollektivnaja monografija [Philosophy of war and peace, violence and nonviolence: a collective monograph]. Pod red. V.P. Rimskogo [In V.P. Rimsky (eds.)]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2019. 462 p. (In Russ.).
27. Florovskij G.V. Dogmat i istorija [Dogma and history]. Moscow: Izd-vo Svjato-Vladimirskogo Bratstva, 1998. 488 p. (In Russ.).
28. Frank S.L. Svetlaja pechal' [Bright sadness]. *Pushkin v russkoj filosofskoj kri-*

tike: Konec XIX — prvaja polovina XX v. [Pushkin in Russian philosophical criticism: The end of the XIX — the first half of the XX century]. Moscow: Kniga. 1990. Pp. 465–482. (In Russ.).

29. Cheker N.V. I.A. Il'in: smysl vojny [I. A. Ilyin: the meaning of war]. *Solov'evskie issle-*

dovaniya [Solovyov studies]. 2016; 1(49): 105–114. (In Russ.).

30. Shestov L. Kirkegard i jekzistencial'naja filosofija (Glas vopijushhego v pustyne) [Kierkegaard and existential philosophy (The Voice of the Crying in the desert)]. Moscow: Progress-Gnosis, 1992. 304 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.11.2023; одобрена после рецензирования 25.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 03.11.2023; approved after reviewing on 25.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Малахаткин Евгений Олегович — соискатель, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Evgeny O. Malakharkin — applicant, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia